

Субъекты криминального банкротства: оценка законодательных новелл и прогноз их правоприменения

Аннотация. Выделение квалифицированных составов криминального банкротства по признакам субъекта определено решит проблему диспропорции количества регистрируемых преступлений и приговоров за счет более строгих санкций и, как следствие, больших сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Между тем нарушения технико-юридических правил, допущенные в процессе нормотворчества, привели к тому, что составы неправомерных действий при банкротстве и преднамеренного банкротства были разбиты на две группы: касающиеся деяний, совершаемых должниками-гражданами, и деяний, совершаемых в связи с хозяйственной деятельностью юридических лиц. При этом идентичность общественно опасных последствий, заложенных законодателем в обе группы составов, а также несоответствующие санкции за совершение соответствующих преступлений позволили поставить вопрос о нарушении принципа равенства, которое не может быть обосновано дифференциацией уголовной ответственности. В свою очередь, необоснованная рецепция положений законодательства о несостоятельности приведет к тому, что при определении признаков контролирующего должника лица судебная практика пойдет по пути, аналогичному установлению обстановки неправомерных действий при банкротстве, что входит в противоречие с законодательством о несостоятельности и практикой его применения. Кроме того, существует риск, что нововведения, предусмотренные частью 2.1 ст. 195 УК РФ, никоим образом не коснутся руководителей должников-организаций. Автором сделан вывод об отсутствии целесообразности дополнения ст. 195 УК РФ частью четвертой, а также сформулированы редакции ч. 1, 1.1, 2.1 ст. 195, ч. 1, 2 ст. 196 УК РФ с учетом смысла, заложенного законодателем при реформировании соответствующих уголовно-правовых норм и правил конструирования составов преступлений.

Ключевые слова: неправомерные действия при банкротстве; преднамеренное банкротство; контролирующее должника лицо; арбитражный управляющий; ликвидационная комиссия; ликвидатор; использование своего служебного положения; принципы уголовно-правовой политики.

Для цитирования: Субачев А. К. Субъекты криминального банкротства: оценка законодательных новелл и прогноз их правоприменения // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 1. — С. 99–114. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.099-114.

© Субачев А. К., 2023

* Субачев Алексей Константинович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета
Днепровская ул., д. 1, г. Владивосток, Россия, 690062
jsbach1750@mail.ru

Subjects of Criminal Bankruptcy: Assessment of Legislative Novelty and Perspectives of their Enforcement

Aleksey K. Subachev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University
ul. Dneprovskaya, d. 1, Vladivostok, Russia, 690062
jsbach1750@mail.ru

Abstract. Allocation of qualified criminal bankruptcy structures based on the characteristics of the subject will definitely solve the problem of disproportion in the number of reported crimes and sentences due to stricter sanctions and, as a result, longer periods of limitation for criminal prosecution. Meanwhile, violations of technical and legal rules committed in the process of rulemaking resulted in the situation when designs of illegal actions in bankruptcy and intentional bankruptcy are divided into two groups: acts committed by debtors-citizens, and acts committed in connection with the business activities of legal entities. At the same time, identity of socially dangerous consequences laid down by the legislator in both groups of bankruptcies and unsettled sanctions for the commission of the corresponding crimes allowed the author to raise the question of violation of the principle of equality, which cannot be justified by the differentiation of criminal liability. In turn, unjustified reception of insolvency law provisions will lead to the situation when determining the signs of a controlling debtor, judicial practice will follow a path similar to the establishment of a situation of unlawful actions in bankruptcy, which contradicts the insolvency law and the practice of its application. In addition, there is a risk that innovations provided for under Part 2.1 Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation will in no way affect the heads of debtor organizations. The author concludes that it is not expedient to supplement Article 195 of the Criminal Code with Part 4 and provides the wording for Parts 1, 1.1, 2.1 of Article 195, Part 1, 2 of Article 196 of the Criminal Code of the Russian Federation with due regard to the meaning laid down by the law-maker when reforming relevant criminal law rules and the rules for designing the elements of crimes.

Keywords: illegal actions in bankruptcy; intentional bankruptcy; controlling debtor; receiver; liquidation commission; liquidator; abuse of office; principles of criminal law policy.

Cite as: Subachev AK. Subekty kriminalnogo bankrotstva: otsenka zakonodatelnykh novell i prognoz ikh pravoprimeneniya [Subjects of Criminal Bankruptcy: Assessment Of Legislative Novelty and Perspectives of their Enforcement]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(1):99-114. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.099-114. (In Russ., abstract in Eng.).

Эффективность противодействия криминальным банкротствам уголовно-правовыми средствами на всем протяжении действия УК РФ 1996 г. вызывала обоснованные сомнения у представителей академической среды¹. В частности, одним из проблемных

¹ См., например: Вакутин А. А. Уголовно-правовая оценка неправомерных действий при банкротстве : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2013. С. 3–4 ; Зацепин А. М. Неправомерные действия при банкротстве в уголовном праве: социальная обусловленность криминализации, проблемы законодательной регламентации и квалификации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 4–5 ; Классен А. Н. Проблемы ответственности за неправомерные действия при банкротстве (социальный и уголовно-правовой аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 5 ; Кузнецов А. В. Преступления в сфере несостоятельности (ст. 195–197 УК РФ): вопросы законодательной техники и дифференциации уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 3 ; Морозова Ю. В. Неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное и фиктивное банкротства по уголовному законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 3–4 ; Тимофеев Д. В. Дифференциация уголовной ответственности за незаконное банкротство : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 4 ; Хакулов М. Х. Неправомерное (преднамеренное и фиктивное) банкротство : дис. ... канд. юрид. наук. Кисловодск, 2000. С. 3.

аспектов правоприменения норм о неправомерных действиях при банкротстве выступали минимальные сроки давности привлечения к уголовной ответственности², в связи с чем существенная часть уголовных дел прекращалась по причине их истечения. Сами же составы криминальных банкротств неоднократно подвергались существенным изменениям³. Предпоследней попыткой повысить уголовно-правовой потенциал норм об ответственности за неправомерные действия при банкротстве и преднамеренное банкротство стала законодательная инициатива депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации о конструировании специальных составов криминальных банкротств, совершаемых в отношении кредитных организаций, страховых организаций или негосударственных пенсионных фондов⁴. Несмотря на внесение соответствующего законопроекта⁵ в нижнюю палату парламента 27 февраля 2020 г., дальше принятия ответственным комитетом решения о представлении

законопроекта в Совет Государственной Думы дело не зашло. Наконец, Федеральным законом «О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»⁶ внесены последние на сегодняшний день изменения в уголовно-правовое регулирование неправомерных действий при банкротстве и преднамеренного банкротства, коснувшиеся, помимо прочего, признаков субъектов соответствующих преступлений. Оценке влияния названных новелл на правоприменительную практику и посвящена настоящая статья.

Часть 1.1 ст. 195 УК РФ предусматривает повышенную уголовную ответственность за деяния, предусмотренные частью 1 соответствующей статьи, в случае их совершения лицом с использованием своего служебного положения, а равно контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лица: максимальный размер наказания в виде

² Преступления, предусмотренные статьей 195 УК РФ, ранее относились к категории преступлений небольшой тяжести, срок давности привлечения к уголовной ответственности за их совершение составлял два года (ст. 15, 78 УК РФ).

³ См., например: Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848; Федеральный закон от 19.12.2005 № 161-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2005. № 52 (ч. 1). Ст. 5574; Федеральный закон от 21.07.2014 № 218-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4219; Федеральный закон от 29.12.2014 № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника”» // СЗ РФ. 2015. № 1 (ч. I). Ст. 29; Федеральный закон от 27.12.2018 № 530-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 53 (ч. I). Ст. 8456.

⁴ Подробнее см.: *Васильев А. М.* Криминальное банкротство: критический анализ нововведений // *International & Domestic Law* : материалы XV Ежегодной всероссийской конференции по национальному и международному праву (площадка Google Meet, 18 декабря 2020 года). Екатеринбург : Учебно-научная лаборатория Sapientia, 2020. С. 573–578.

⁵ Проект федерального закона № 909883-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия преступлениям, связанным с банкротством кредитной или иной финансовой организации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/909883-7> (дата обращения: 13.06.2022).

⁶ Федеральный закон от 01.07.2021 № 241-ФЗ «О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

лишения свободы достигает четырех лет, что переводит соответствующее преступление в категорию преступлений средней тяжести.

Аналогичные признаки включены в ч. 4 ст. 195, п. «а» ч. 2 ст. 196 УК РФ.

Понимание признака «с использованием своего служебного положения» выработано высшей судебной инстанцией достаточно давно, и его применение на практике не должно вызывать трудностей (если рассматривать его изолированно от других признаков составов преступлений).

К лицам, использующим свое служебное положение для совершения неправомерных действий при банкротстве и преднамеренного банкротства, следует относить как должностных лиц, так и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях⁷. При этом, с учетом специфики законодательства о несостоятельности, рассматриваемые деяния не могут быть совершены должностными лицами государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, государственных внебюджетных фондов, государственных корпораций, государственных компаний, публично-правовых компаний, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и воинских формирований Российской Федерации. Равно и лица, выполняющие управленческие функции в частных учреждениях, политических партиях, религиозных организациях и негосударственных

фондах, не относятся к категории лиц, которые могут использовать свое служебное положение при совершении рассматриваемых преступлений. Дело в том, что некоторые из указанных видов организаций не могут быть признаны несостоятельными в силу прямого указания п. 1 ст. 65 ГК РФ⁸, в то время как возможность применения законодательства о несостоятельности к ликвидации организаций других видов на сегодняшний день не предусмотрена профильным нормативным правовым регулированием.

Под использованием своего служебного положения как способа совершения неправомерных действий при банкротстве и преднамеренного банкротства следует понимать исключительно использование лицом своих служебных полномочий. Дело в том, что объективная сторона составов криминального банкротства (за исключением ч. 3 ст. 195 УК РФ) заключается в совершении юридически значимых действий, которые лицо без соответствующих полномочий совершить не в состоянии. В связи с этим использование авторитета занимаемой должности в целях совершения соответствующих преступлений исключено.

Рассмотренный квалифицирующий признак структурно входит как в число признаков объективной стороны квалифицированных составов криминальных банкротств (в части использования), так и в число признаков субъектов (отнесение субъекта к должностным лицам и лицам, выполняющим управленческие функции в ком-

⁷ См., например: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // Российская газета. 2007. № 95 ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» // Российская газета. 2010. № 130 ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. 2011. № 142 ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. 2012. № 35 ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Российская газета. 2012. № 251 ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. 2017. № 280.

⁸ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

мерческой или иной организации, производно от объективной стороны). Признак контролирующего должника лица или руководителя этого контролирующего лица, со своей стороны, не выходит за группу признаков, характеризующих субъекта преступлений, предусмотренных частями 1.1, 4 ст. 195, пунктом «а» ч. 2 ст. 196 УК РФ. При этом, учитывая бланкетность диспозиций указанных норм, понятие контролирующего должника лица должно определяться так же, как оно определено в конкурсном праве⁹. Так, в силу п. 1 ст. 61.11 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹⁰ (далее — Закон о банкротстве), контролирующим должника лицом признается физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий. Из приведенного определения можно выделить следующие признаки соответствующего понятия.

Во-первых, в качестве такового выступает физическое или юридическое лицо.

Во-вторых, это лицо, имеющее (имевшее) возможность любым образом определять действия должника. При этом, как разъяснила высшая судебная инстанция страны, осуществление фактического контроля над должником возможно вне зависимости от наличия (отсутствия) формально-юридических признаков аффилированности (через родство или свойство с лицами, входящими в состав органов должника, прямое или опосредованное участие в капитале либо в управлении и т.п.). Если сделки, изменившие экономическую и (или) юридическую судьбу

должника, заключены под влиянием лица, определившего существенные условия этих сделок, такое лицо подлежит признанию контролирующим должника (абз. 2, 3 п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»¹¹). Несмотря на то что пунктом 2 ст. 61.10 Закона о банкротстве предусмотрены обстоятельства, при наличии которых существует возможность определять действия должника, на основании каких именно юридических фактов осуществлялся контроль, правового значения не имеет. Дело в том, что соответствующий перечень является открытым (возможность определять действия должника может достигаться «иным образом, в том числе путем принуждения руководителя или членов органов управления должника либо оказания определяющего влияния на руководителя или членов органов управления должника иным образом», пп. 4 п. 2 ст. 61.10 Закона о банкротстве).

Наконец, в-третьих, в расчет принимается контроль над должником, имевший место в период не более трех лет, предшествовавших возникновению признаков банкротства. Представляется, что установление указанного признака вызовет наибольшие трудности в процессе применения анализируемых новелл на практике. И обусловлены подобные соображения следующим. В разъяснениях, касающихся вопросов привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, говоря о признаках банкротства, от возникновения которых ретроактивно отсчитывается три года, Верховный Суд РФ подразумевает под ними момент неспособности должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе об уплате обязательных платежей, из-за превышения *совокупного размера обязательств*

⁹ См., например: Михайлова И. А. Бланкетные нормы в уголовном законе и их применение органами внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 8 ; Шишко И. В. Взаимосвязь уголовно-правовых и регулятивных норм в сфере экономической деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 12.

¹⁰ СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

¹¹ Российская газета. 2017. № 297.

над реальной стоимостью его активов, именуя такое состояние объективным банкротством (абз. 1 п. 4 постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53). Иными словами, в указанном контексте речь идет о недостаточности имущества как о признаке банкротства, которое в силу абз. 36 ст. 2 Закона о банкротстве предполагает превышение размера денежных обязательств и обязанностей по уплате обязательных платежей должника над стоимостью имущества (активов) должника. Разница между разъяснением и нормой конкурсного права в том, что Верховный Суд РФ заостряет внимание на реальной стоимости активов. На практике это может означать следующее: должник может обладать признаком неплатежеспособности (прекращение исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей, вызванное недостаточностью денежных средств, абз. 37 ст. 2 Закона о банкротстве), в то время как реальная стоимость других его активов (основных средств, запасов, дебиторской задолженности и т.д.) может превышать размер имеющихся у него обязательств¹². И в таком случае говорить о признаках банкротства должника в целях определения статуса контролирующего должника лица будет преждевременно. Кроме того, подобное неустойчивое финансовое положение может быть выровнено, из-за чего трехлетний период контроля может сместиться.

В свою очередь, судебная практика по уголовным делам о неправомерных действиях при банкротстве на сегодняшний день констатирует обстановку совершения соответствующих преступлений, которую также образуют признаки банкротства, при наличии оснований для обращения в арбитражный суд с заявлением о при-

знании должника несостоятельным. В качестве таковых на практике выступают длительность неисполнения обязательств, срок исполнения которых наступил, а также их размер, в то время как наличие либо отсутствие материального (внутреннего) признака банкротства, заключающегося в реальной неспособности должника исполнить обязательства, не устанавливается¹³. В связи с этим мы с высокой степенью вероятности можем спрогнозировать, что под признаками банкротства, речь о которых идет в определении контролирующего должника лица, следственные и судебные органы будут понимать не недостаточность имущества (и даже не неплатежеспособность) должника, а обстоятельства, позволяющие возбудить дело о банкротстве должника (например, неисполнение денежного обязательства в размере 300 тыс. руб. и более в течение трех месяцев с даты, когда оно должно было быть исполнено, п. 2 ст. 3, п. 2 ст. 6 Закона о банкротстве). Ошибочность такого правопонимания, помимо приведенных нами ранее доводов¹⁴, косвенно подтверждена и практикой Верховного Суда РФ, который в рамках спора о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности за несвоевременное обращение в суд с заявлением о признании должника банкротом подверг критике мотивировку суда первой инстанции, определившего момент возникновения признаков банкротства на основании п. 2 ст. 3, п. 2 ст. 6 Закона о банкротстве¹⁵, т.е. по истечении трех месяцев с даты наступления срока исполнения обязательств, совокупный размер которых превышал 300 тыс. руб.

Изложенное позволяет спрогнозировать, что суды будут ограничиваться внешними признаками банкротства, которые могут возникнуть

¹² См. также: *Голубцов В. Г.* Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц: эволюция законодательных подходов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 48. С. 263 ; *Любимова Е. Е.* Субсидиарная ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов // Арбитражные споры. 2018. № 2 (82). С. 71.

¹³ Подробнее см.: *Субачев А. К.* Проблемы установления обстановки совершения неправомерных действий при банкротстве // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 1. С. 123–124.

¹⁴ *Субачев А. К.* Указ. соч. С. 122–125.

¹⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.07.2017 № 309-ЭС17-1801 по делу № А50-5458/2015 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

не только в связи с ухудшением финансового состояния должника. В частности, должник может избегать добровольного исполнения обязательств в связи с оспариванием размера задолженности, самого факта существования обязательств либо просто из-за своей недобросовестности. И применительно к таким случаям, если они будут формально подпадать под основания для обращения в арбитражный суд с заявлением о признании таких должников банкротами, суды будут ретроактивно отсчитывать трехлетний срок при установлении статуса контролирующего должника лица. Как следствие, рассматриваемый квалифицирующий признак может быть вменен в вину лицам, не контролирующим должника по определению (чей период контроля будет выпадать за трехлетний срок, предшествующий возникновению признаков банкротства). Правильный же путь заключается в выявлении момента превышения обязательств должника над реальной стоимостью его активов. И если финансовое положение должника до признания его банкротом так и не стабилизируется, а баланс не станет положительным, соответствующая дата должна выступать отправной точкой для отсчета трехлетнего периода контроля.

Указание в рассматриваемых новеллах на руководителя контролирующего должника как субъекта криминальных банкротств должно упростить задачу правоприменителю при разрешении вопроса о субъекте преступления, совершенного при руководстве хозяйственной деятельностью должника управляющими компаниями, которые, как известно, могут выполнять функции единоличного исполнительного органа акционерного общества (пп. 2 п. 2 ст. 67.1 ГК РФ, абз. 3 п. 1 ст. 69 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»¹⁶).

Далее, квалифицирующий признак «с использованием своего служебного положения» не был включен законодателем в число признаков состава преступления, предусмотренного частью 2.1 ст. 195 УК РФ. Вместо этого в качестве альтернативных признаков субъекта

соответствующего преступления (помимо рассмотренных ранее) выступает его совершение арбитражным управляющим или председателем ликвидационной комиссии (ликвидатором). При этом в диспозиции ч. 2 ст. 195 УК РФ, описывающей признаки основного состава соответствующего деяния, признаки руководителя юридического лица или его учредителя (участника) либо гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, как субъектов указанного преступления были заменены на признаки должника. Указание на категорию должника — юридического лица, за счет имущества которого неправомерно удовлетворяются требования кредиторов, было исключено из диспозиции нормы.

Последняя из приведенных поправок носит технический характер и определено положительно сказалась на корректности изложения объективной стороны состава преступления: предыдущая редакция текстуально могла создать впечатление, что она распространяет свое действие лишь на удовлетворение требований кредиторов юридического лица.

В свою очередь, включение в число субъектов неправомерных действий при банкротстве арбитражного управляющего и председателя ликвидационной комиссии (ликвидатора) с одновременным игнорированием признака «с использованием своего служебного положения» носит кардинальный характер. Особенности объективной стороны состава преступления, предусмотренного частью 2 ст. 195 УК РФ, заключаются в том, что она может быть выполнена лишь лицом, имеющим право распоряжаться имуществом должника. Соответствующие полномочия арбитражный управляющий приобретает только в процедурах внешнего управления и конкурсного производства, в которых внешний и конкурсный управляющие наделяются полномочиями по руководству деятельностью должника (абз. 2 п. 1 ст. 94, п. 1 ст. 129 Закона о банкротстве). В качестве правового основания надления названных лиц полномочиями выступают определение (в процедуре внешнего управления) или решение (в процедуре

¹⁶ СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

конкурсного производства) арбитражного суда, которыми они утверждаются в деле о банкротстве.

Равно и ликвидационная комиссия (ликвидатор) юридического лица наделяется полномочиями по управлению его делами решением учредителей (участников) юридического лица или органа, принявшего решение о ликвидации (п. 3, 4 ст. 62 ГК РФ). В случае неисполнения учредителями (участниками) обязанности по ликвидации юридического лица ее также проводит арбитражный управляющий на основании решения суда (п. 5 ст. 62 ГК РФ).

Рассмотренные субъекты преступления, предусмотренного частью 2.1 ст. 195 УК РФ, имеют общую черту: они выполняют организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции по специальному полномочию, то есть обладают признаками либо должностных лиц (примечание 1 к ст. 285 УК РФ), либо управленцев (примечание 1 к ст. 201 УК РФ). Ранее мы уже обращали внимание на то, что использование соответствующими лицами своих полномочий при совершении неправомерных действий при банкротстве и преднамеренного банкротства подпадает под квалифицирующий признак «с использованием своего служебного положения». В связи с этим возникает закономерный вопрос: по какой причине указанному признаку не нашлось места в диспозиции ч. 2.1 ст. 195 УК РФ, а арбитражный управляющий и председатель ликвидационной комиссии (ликвидатор) выделены в качестве самостоятельных субъектов рассматриваемого преступления? Криминологический подход позволяет нам частично на него ответить. Так, одной из ключевых задач, решаемых в процедурах несостоятельности и ликвидации, выступает проведение расчетов с кредиторами, распределение ликвидационной квоты. И с этой точки зрения действительно уместно

говорить о том, что неправомерное удовлетворение требований одних кредиторов заведомо в ущерб другим — свойственное упомянутым лицам преступление. Тем не менее указанного обоснования явно недостаточно для подобного нормотворчества. В пояснительной записке к проекту соответствующего федерального закона повышение уголовной ответственности арбитражного управляющего и председателя ликвидационной комиссии (ликвидатора) обосновано значимостью их статуса в делах о банкротстве, предполагающего «достаточно широкие полномочия»¹⁷. Между тем не менее широкими полномочиями обладает и руководитель юридического лица. И помимо того, что практика недвусмысленно признает действия руководителя должника по преимущественному удовлетворению требований одних кредиторов перед требованиями других преступными не только в случае их совершения в процедурах несостоятельности, но и при наличии признаков банкротства должника¹⁸, на сегодняшний день законодательством о несостоятельности предусмотрена реабилитационная процедура, в ходе которой полномочия руководителя не прекращаются и расчеты с кредиторами проводит именно он, — финансовое оздоровление (гл. V Закона о банкротстве). Не стоит забывать и о процедуре наблюдения, в ходе которой руководство должника продолжает осуществлять свои полномочия, в том числе по исполнению текущих платежей, что открывает для него возможности для совершения соответствующего преступления. Выступает ли невключение законодателем признака «с использованием своего служебного положения» в ч. 2.1 ст. 195 УК РФ намеком на то, что коль скоро погашение требований кредиторов согласно определенной очередности прямо предусмотрено действующим законодательством лишь для процедур ликвидации юридического лица, а также некоторых

¹⁷ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1099900-7> (дата обращения: 13.06.2022).

¹⁸ См., например: приговор Железнодорожного районного суда города Симферополя от 03.09.2019 № 1-247/2019 ; приговор Северобайкальского городского суда Республики Бурятия от 11.07.2018 по делу № 1-118/2018 ; приговор Советского районного суда города Омска от 08.06.2018 по делу № 1-47/2018 ; приговор Советского районного суда города Рязани от 04.10.2017 № 1-150/2017 (доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

процедур несостоятельности (финансовое оздоровление, внешнее управление и конкурсное производство), то нарушение соответствующей очередности вне введенной процедуры несостоятельности или ликвидации юридического лица не образует признаков состава преступления, предусмотренного частями 2, 2.1 ст. 195 УК РФ? Пояснительная записка к проекту рассматриваемого закона ответа на поставленный вопрос не содержит, но с учетом изложенного мы можем спрогнозировать, что подобное нормотворчество, вероятно, спровоцирует практику квалификации действий по неправомерному удовлетворению требований одних кредиторов за счет имущества должника заведомо в ущерб другим кредиторам, совершенному до введения в отношении должника процедур ликвидации или несостоятельности, в которых гашение требований кредиторов осуществляется арбитражным управляющим либо председателем ликвидационной комиссии (ликвидатором), не на основании ч. 2, 2.1 ст. 195 УК РФ, но как злоупотребление полномочиями, поскольку ст. 201 УК РФ выступает общей по отношению к неправомерным действиям при банкротстве уголовно-правовой нормой. При этом подобная практика, пусть и в редких случаях, встречалась и до принятия рассматриваемых новелл как в виде квалификации органами предварительного следствия действий виновных по ст. 201 УК РФ (вместо ч. 2 ст. 195 УК РФ)¹⁹, так и в виде судебной квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных частью 2 ст. 195 и ст. 201 УК РФ²⁰. Ну и в качестве совсем неутешительного прогноза квалификация названных действий будет производиться по признакам основного состава (ч. 2 ст. 195 УК РФ), т.е. новеллы фактически ничего не изменят в соответствующей части.

Ошибочность рассмотренных вариантов квалификации кроется в том, что руководитель юридического лица и есть контролирующее

должника лицо, поскольку он имеет не только фактическую, но и юридическую возможность определять действия должника-организации, в связи с чем рассмотренные выше действия, совершенные до начала процедуры ликвидации или введения в отношении должника процедуры несостоятельности, предполагающей переход полномочий по руководству должником к арбитражному управляющему или председателю ликвидационной комиссии (ликвидатору), следует квалифицировать на основании ч. 2.1 ст. 195 УК РФ. Учитывая, что лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих или иных организациях, по умолчанию осуществляют в отношении них контроль, включение в диспозиции ч. 1.1, 4 ст. 195, п. «а» ч. 2 ст. 196 УК РФ в качестве субъектов соответствующих преступлений и лиц, использующих свое служебное положение, и контролирующих должника лиц (с учетом того, что второе понятие охватывает первое) с одновременным оставлением названного признака за бортом диспозиции ч. 2.1 ст. 195 УК РФ выглядит непоследовательным. Однако решение обозначенной проблемы не представляется сложным: использование признаков субъекта преступления, соотносящихся между собой как часть и целое, в рамках одного состава преступления явно избыточно. В связи с этим, коль скоро законодатель всё же решил включить термин «контролирующее должника лицо» в диспозиции рассматриваемых норм, ему следовало ограничиться лишь указанием на соответствующий статус лица при описании признаков составов преступлений, предусмотренных частями 1.1, 2.1, 4 ст. 195, п. «а» ч. 2 ст. 196 УК РФ, не включая в диспозиции соответствующих норм указания на «использование лицом своего служебного положения». В противовес сказанному можно, конечно, заметить, что нередко руководителями юридических лиц назначаются номиналы, которые, обладая контролем над организацией юридически, либо

¹⁹ См., например: постановление Сормовского районного суда города Нижнего Новгорода от 02.03.2012 по делу № 1-56/2012 ; приговор Промышленного районного суда города Смоленска от 12.09.2016 по делу № 1-20/2016 (1-311/15) (доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

²⁰ См., например: приговор Высокогорского районного суда станции Высокая Гора от 13.08.2013 по делу № 1-81/2013 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

не осуществляют фактического руководства как такового, передавая свои полномочия третьим лицам, либо делают это четко по указке бенефициаров бизнеса, то есть контролирующими должника лицами в буквальном значении данного термина их назвать нельзя, однако можно говорить об использовании ими своего служебного положения. Но даже в первой из названных «моделей» от субсидиарной ответственности номиналы освобождаются лишь при определенном позитивном и, самое главное, результативном поведении (п. 9 ст. 61.11 Закона о банкротстве). Когда же речь заходит о номиналах применительно к криминальным банкротствам, то подразумеваются те из них, кто так или иначе совершает общественно опасное деяние (выступает подписантом при совершении сделок, допускает бездействие по взысканию дебиторской задолженности, подписывает приказы об установлении заработной платы в завышенных размерах и соответствующие дополнительные соглашения к трудовым договорам и т.д.). И в таком случае их отстраненность от реального управления текущей деятельностью юридического лица не носит абсолютного характера, не исключает возможности выполнения ими объективной стороны состава преступления. Совсем иначе обстоит дело с номиналами, передающими свои полномочия на основании доверенностей, локальных нормативных правовых актов либо иным образом. Такой «руководитель» действительно не подлежит уголовной ответственности, если преступное деяние совершено лицом, которому он передал свои полномочия (за исключением совершения криминального банкротства путем бездействия). А вот последние обладают всеми признаками контролирующего должника лица, в связи с чем могут быть привлечены к уголовной ответственности с учетом соответствующего квалифицирующего признака.

Вывод, сделанный относительно содержания понятия «контролирующее должника лицо», касается и председателя ликвидационной комиссии (ликвидатора), при этом их выделение в

качестве самостоятельных субъектов преступления, предусмотренного частью 2.1 ст. 195 УК РФ, также излишне. Дело в том, что само понятие «контролирующее должника лицо» введено в законодательство о несостоятельности в первую очередь для целей привлечения к субсидиарной ответственности лиц, виновных в доведении организации до состояния банкротства, к числу которых могут быть отнесены и названные субъекты, что следует из их полномочий по руководству деятельностью должника до признания последнего несостоятельным и на что справедливо обращено внимание в литературе²¹.

И хотя озвученные выше нарушения правил криминализации общественно опасных деяний носят характер существенных, при формулировании ч. 4 ст. 195 УК РФ законодатель решил пойти еще дальше. Чего-то нового по сравнению с ч. 1.1, 2.1 ст. 195 УК РФ в содержание диспозиции соответствующей нормы включено не было. Речь по-прежнему идет о совершении преступления, предусмотренного частью 3 ст. 195 УК РФ, лицом с использованием своего служебного положения, а равно контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лица. Однако рассматриваемая новелла не согласуется по содержанию с признаками состава преступления, предусмотренного частью 3 ст. 195 УК РФ. Дело в том, что объективная сторона основного состава преступления предусматривает незаконное воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего либо временной администрации кредитной или иной финансовой организации в случаях, если названные субъекты антикризисных отношений наделены функциями руководителя должника, а равно и в случае, если в отношении гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, введена процедура, применяемая в деле о банкротстве. Изложенное недвусмысленно свидетельствует о возможности совершения соответствующего преступления либо после прекращения полномочий органов управления организации, либо должником — физическим лицом после введения в отношении него про-

²¹ Свириденко О. М. Актуальные вопросы субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве должника // *Lex russica* (Русский закон). 2018. № 12 (145). С. 20.

цедуры несостоятельности (если быть точным, процедуры реализации имущества гражданина). По этой причине незаконно воспрепятствовать деятельности арбитражного управляющего или временной администрации с использованием своего служебного положения (с учетом приведенного выше толкования соответствующего признака применительно к криминальным банкротствам) попросту невозможно. Руководитель, чьи полномочия прекращены, уже не может их использовать для совершения преступления, это нонсенс. Но есть одно «но». Коль скоро изменения в уголовный закон внесены, то без внимания практики они вряд ли останутся. Среди множества разъяснений высшей судебной инстанции по вопросам использования лицом своего служебного положения как способа совершения преступления наибольшую помощь сотрудникам правоприменительных органов окажет рекомендация, содержащаяся в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»²², в соответствии с которой использование своего служебного положения возможно также лицами, которым оружие, комплектующие детали к нему, боеприпасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства выданы персонально и на определенное время для выполнения специальных обязанностей²³. Поскольку руководитель юридического лица выступает лицом, ответственным за хранение первичных учетных документов, регистров бухгалтерского учета, бухгалтерской (финансовой) отчетности, аудиторских заключений о ней (ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете»²⁴), иных документов организации (п. 3 ст. 50 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»²⁵, п. 2 ст. 89 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об акционер-

ных обществах», п. 2 ст. 28 Федерального закона от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»²⁶ и др.), а также ее имущества (п. 3 ст. 53, п. 1 ст. 53.1 ГК РФ), мы можем спрогнозировать, что при квалификации деяния по ч. 4 ст. 195 УК РФ по признаку служебного положения практика будет исходить из того, что названному субъекту документы и имущество вверены персонально и на время осуществления им полномочий по управлению деятельностью организации. Тем самым вопрос о возможности привлечения единоличного исполнительного органа юридического лица с учетом соответствующего квалифицирующего признака будет решен положительно.

Можно возразить, что прекращение полномочий исполнительных органов должника не прекращает трудовых отношений с другими работниками, которые могут быть наделены организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями, позволяющими им использовать свое служебное положение для совершения преступления. Между тем основными способами незаконного воспрепятствования деятельности арбитражного управляющего либо временной администрации выступают уклонение или отказ в представлении документов, передаче имущества. В свою очередь, соответствующие обязанности прямо возложены на бывшего руководителя должника, полномочия которого прекращены (абз. 4 п. 1 ст. 94, абз. 2 п. 2 ст. 126 Закона о банкротстве), а также на временного, административного и внешнего управляющего (в зависимости от того, какая процедура, применяемая в деле о несостоятельности, была введена в отношении должника). При этом, несмотря на то что временный и административный управляющие обязаны обеспечить передачу бухгалтерской и иной документации должника, печатей и штампов, материальных и иных ценностей внешне-

²² СПС «КонсультантПлюс».

²³ Российская газета. 2002. № 48.

²⁴ СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7344.

²⁵ СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

²⁶ СЗ РФ. 2002. № 48. Ст. 4746.

му управляющему (абз. 4 п. 1 ст. 94, абз. 2 п. 2 ст. 126 Закона о банкротстве), названные лица, во всяком случае, не наделены служебными полномочиями. Однако ими наделен внешний управляющий вплоть до его отстранения или освобождения от исполнения возложенных на него обязанностей и утверждения другого внешнего управляющего или открытия конкурсного производства и утверждения в качестве конкурсного другого арбитражного управляющего. Равно и конкурсный управляющий осуществляет управленческие функции в организации, признанной несостоятельной, до момента его отстранения или освобождения от исполнения возложенных на него обязанностей. При этом и на внешнем, и на конкурсном управляющих также лежит обязанность по передаче вновь утвержденному арбитражному управляющему (внешнему или конкурсному, в зависимости от процедуры, применяемой в деле о несостоятельности должника) документации и имущества (п. 3 ст. 97, п. 4 ст. 98, абз. 2 п. 2 ст. 126 Закона о банкротстве). Между тем названные антикризисные менеджеры равным образом не могут использовать свое положение в целях выполнения объективной стороны состава преступления, предусмотренного частью 3 ст. 195 УК РФ, поскольку их полномочия прекращаются с даты их отстранения либо освобождения от исполнения возложенных на них обязанностей (п. 2 ст. 97, п. 2 ст. 98, п. 3 ст. 144, п. 2 ст. 145 Закона о банкротстве).

В связи со сказанным еще более парадоксальным выглядит возможность воспрепятствования деятельности арбитражного управляющего либо временной администрации контролирующим должника лицом (руководителем контролирующего должника лица). Ввиду того что основными способами совершения преступления выступают неисполнение обязанностей, возложенных либо на признанного

несостоятельным гражданина, либо на лицо, осуществляющее руководство деятельностью должника (в том числе внешнего и конкурсного управляющих), а равно временного и административного управляющего, контролирующие должника лица (и их руководители) попросту не могут выступать субъектами преступления, предусмотренного частью 4 ст. 195 УК РФ. С момента передачи полномочий по управлению должником арбитражному управляющему или временной администрации о каком-либо контроле над юридическим лицом со стороны названных лиц говорить не приходится, во всяком случае, он утрачивается с даты прекращения полномочий исполнительных органов должника. Кроме того, как было указано выше, понятие контролирующего должника лица призвано обеспечить возможность выявления лиц, ответственных за банкротство организации, а к моменту наделения полномочиями по управлению должником арбитражного управляющего или временной администрации должник уже обладает не только внешними, но и внутренними признаками несостоятельности, и необходимость применения упомянутого определения теряет всякий смысл.

Несмотря на то, что каких-либо иных, помимо уклонения или отказа руководителя в представлении документов и имущества, способов совершения рассматриваемого преступления на практике нам обнаружить не удалось²⁷, мы тем не менее можем констатировать, что доступны они лишь исполнительным органам юридического лица, а не любому контролирующему должника лицу. Однако решение, которое будет найдено практикой для вменения упомянутого квалифицирующего признака, спрогнозировать возможно. В тех случаях, когда необходимая для проведения мероприятий, предусмотренных законодательством о несостоятельности, документация, а также имущество должника

²⁷ См., например: приговор Горно-Алтайского городского суда Республики Алтай от 23.05.2017 по делу № 1-177/2017 ; приговор Москаленского районного суда Омской области от 11.01.2018 № 1-3/2018 ; приговор Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 03.02.2012 по делу № 1-6/2012 ; приговор Центрального районного суда города Сочи от 23.07.2018 по делу № 1-397/2018 ; приговор Шпаковского районного суда Ставропольского края от 14.09.2012 по делу № 1-31/2012 (доступ из СПС «Консультант-Плюс»).

будут находиться во владении иных, помимо руководителя, контролировавших должника лиц, до сведения которых доведено требование арбитражного управляющего либо временной администрации о представлении документов и материальных ценностей и которые его активно игнорируют, первые будут подлежать уголовной ответственности на основании ч. 4 ст. 195 УК РФ.

По итогам проведенного исследования можно констатировать, что попытка отечественного законодателя повысить эффективность уголовно-правового противодействия неправомерным действиям при банкротстве и преднамеренному банкротству по большей части не увенчалась успехом. Бесспорно, дополнение ст. 195 УК РФ квалифицированными составами неправомерных действий при банкротстве, совершенных в отношении имущества кредиторов юридического лица, а также в процедурах несостоятельности юридического лица, положительно скажется на реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности благодаря адекватным для отправления правосудия срокам давности.

Между тем основные изменения, внесенные в ст. 195, 196 УК РФ, в одной части произведены без учета положений законодательства о несостоятельности, а в другой представляют собой рецепирование терминов и формулировок банкротного права, не адаптированное под уголовный закон. По этой причине законодатель, сам того не ведая, произвел не имеющее под собой уголовно-политических оснований дробление составов неправомерных действий при банкротстве и преднамеренного банкротства на две группы: совершаемые физическими лицами в отношении своего имущества и своих кредиторов и совершаемые в отношении имущества юридического лица и его кредиторов (за исключением преступлений, предусмотренных частью 2 ст. 195 УК РФ и совершаемых арбитражными управляющими). При этом размер ущерба, определенный в качестве крупного, идентичен для всех составов криминального банкротства, в то время как санкции за совершение преступлений, образующих пары из названных групп, существенно отличаются друг от друга. Помимо этого, местами наблюдается избыточность уголовного-правового регулиро-

вания, носящая характер формальной, однако способной вызвать затруднения на практике.

Результатами проведенного исследования выступили следующие прогнозы правоприменения рассмотренных нововведений:

1. Разрыв между количеством постановляемых приговоров по делам о неправомерных действиях при банкротстве и количеством соответствующих регистрируемых преступлений сократится, приблизится к балансу.

2. При ретроактивном установлении периода контроля над должником в целях определения признаков контролирующего должника лица отправной точкой отчета для правоприменителя будет выступать не трехлетний период контроля, имевший место до возникновения у должника признаков недостаточности имущества (объективного банкротства), как это определяется по делам о несостоятельности, а момент появления у должника внешних признаков банкротства: предусмотренных Законом о банкротстве сроков неисполнения обязательств и их размерами, — которые в совокупности выступают основаниями для обращения в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом. То есть определяться признаки банкротства будут соответственно механизму их определения на практике применительно к обстановке неправомерных действий при банкротстве, предусмотренной частями 1, 2 ст. 195 УК РФ.

3. Действия руководителя должника, не обладающего другими, помимо руководства, признаками контролирующего должника лица, по неправомерному удовлетворению требований одних кредиторов за счет имущества организации заведомо в ущерб другим, вероятно, будут получать уголовно-правовую оценку либо на основании ч. 2 ст. 195 УК РФ (то есть поправки не коснутся указанных деяний), либо на основании ст. 201 УК РФ (применение общей нормы «в отсутствие» специальной).

4. Несмотря на всю нелогичность и несоответствие законодательству о несостоятельности, квалифицированный состав неправомерных действий при банкротстве, предусмотренный частью 4 ст. 195 УК РФ, скорее всего, будет работать на практике (хотя и практика по таким преступлениям встречается крайне редко).

При конструировании новелл с той смысловой нагрузкой, которую в них вкладывал законодатель, диспозиции норм о неправомерных действиях при банкротстве и преднамеренном банкротстве следовало сформулировать следующим образом:

— в ст. 195 УК РФ:

«1. Соккрытие имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений об имуществе, о его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях, передача имущества во владение иным лицам, отчуждение или уничтожение имущества должника — ~~юридического лица, гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, а равно~~ соккрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность ~~юридического лица или индивидуального предпринимателя, если эти действия совершены при наличии признаков банкротства и причинили крупный ущерб, за исключением случаев, предусмотренных частями четвертой и пятой статьи 170.1 и статьей 172.1 настоящего Кодекса~~»;

«1.1. Соккрытие имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений об имуществе, о его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях, передача имущества во владение иным лицам, отчуждение или уничтожение имущества должника — ~~юридического лица, гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, а равно~~ соккрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерских и иных учет-

ных документов, отражающих экономическую деятельность юридического лица ~~или индивидуального предпринимателя, если эти действия совершены при наличии признаков банкротства и причинили крупный ущерб, за исключением случаев, предусмотренных частями четвертой и пятой статьи 170.1 и статьей 172.1 настоящего Кодекса, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, арбитражным управляющим, а равно контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лица~~»;

«2.1. Деяние, предусмотренное частью второй настоящей статьи, совершенное арбитражным управляющим ~~или председателем ликвидационной комиссии (ликвидатором), а равно контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лица~~»;

— в ст. 196 УК РФ:

«1. Преднамеренное банкротство, то есть совершение действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность ~~юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, должника~~ в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб»;

«2. То же деяние, совершенное:

а) ~~лицом с использованием своего служебного положения или~~ контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лица»;

— часть 4 ст. 195 УК РФ в принципе не следовало включать в уголовный закон.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Вакутин А. А. Уголовно-правовая оценка неправомерных действий при банкротстве : дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2013. — 220 с.
2. Васильев А. М. Криминальное банкротство: критический анализ нововведений // International & Domestic Law : материалы XV Ежегодной всероссийской конференции по национальному и международному праву (площадка Google Meet, 18 декабря 2020 г.). — Екатеринбург : Учебно-научная лаборатория Sapientia, 2020. — С. 573–578.
3. Голубцов В. Г. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц: эволюция законодательных подходов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2020. — № 48. — С. 248–273. — DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-248-273.

4. Зацепин А. М. Неправомерные действия при банкротстве в уголовном праве: социальная обусловленность криминализации, проблемы законодательной регламентации и квалификации : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2010. — 199 с.
5. Классен А. Н. Проблемы ответственности за неправомерные действия при банкротстве (социальный и уголовно-правовой аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2001. — 174 с.
6. Кузнецов А. В. Преступления в сфере несостоятельности (ст. 195–197 УК РФ): вопросы законодательной техники и дифференциации уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2004. — 25 с.
7. Любимова Е. Е. Субсидиарная ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов // Арбитражные споры. — 2018. — № 2 (82). — С. 61–71.
8. Михайлова И. А. Бланкетные нормы в уголовном законе и их применение органами внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2009. — 19 с.
9. Морозова Ю. В. Неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное и фиктивное банкротства по уголовному законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2010. — 245 с.
10. Субачев А. К. Проблемы установления обстановки совершения неправомерных действий при банкротстве // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 1. — С. 120–127. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.122.1.120-127.
11. Свириденко О. М. Актуальные вопросы субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве должника // Lex russica (Русский закон). — 2018. — № 12 (145). — С. 18–24. — DOI: 10.17803/1729-5920.2018.145.12.018-024.
12. Тимофеев Д. В. Дифференциация уголовной ответственности за незаконное банкротство : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2013. — 32 с.
13. Хакулов М. Х. Неправомерное (преднамеренное и фиктивное) банкротство : дис. ... канд. юрид. наук. — Кисловодск, 2000. — 161 с.
14. Шишко И. В. Взаимосвязь уголовно-правовых и регулятивных норм в сфере экономической деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2004. — 41 с.

Материал поступил в редакцию 13 июня 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vakutin A. A. Ugolovno-pravovaya otsenka nepravomernykh deystviy pri bankrotstve: dis. ... kand. yurid. nauk. — Omsk, 2013. — 220 s.
2. Vasilev A. M. Kriminalnoe bankrotstvo: kriticheskiy analiz novovvedeniy // International & Domestic Law: materialy XV Ezhegodnoy vserossiyskoy konferentsii po natsionalnomu i mezhdunarodnomu pravu (ploshchadka Google Meet, 18 dekabrya 2020 g.). — Ekaterinburg: Uchebno-nauchnaya laboratoriya Sapientia, 2020. — S. 573–578.
3. Golubtsov V. G. Subsidiarnaya otvetstvennost kontroliruyushchikh dolzhnika lits: evolyutsiya zakonodatelnykh podkhodov // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2020. — № 48. — S. 248–273. — DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-248-273.
4. Zatsepin A. M. Nepravomernye deystviya pri bankrotstve v ugolovnom prave: sotsialnaya obuslovlennost kriminalizatsii, problemy zakonodatelnoy reglamentatsii i kvalifikatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2010. — 199 s.
5. Klassen A. N. Problemy otvetstvennosti za nepravomernye deystviya pri bankrotstve (sotsialnyy i ugolovno-pravovoy aspekt): dis. ... kand. yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2001. — 174 s.
6. Kuznetsov A. V. Prestupleniya v sfere nesostoyatelnosti (st. 195–197 UK RF): voprosy zakonodatelnoy tekhniki i differentsiatsii ugolovnoy otvetstvennosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Kazan, 2004. — 25 s.

7. Lyubimova E. E. Subsidiarnaya otvetstvennost za nevozmozhnost polnogo pogasheniya trebovaniy kreditorov // Arbitrazhnye spory. — 2018. — № 2 (82). — S. 61–71.
8. Mikhaylova I. A. Blanketnye normy v ugovnom zakone i ikh primenenie organami vnutrennikh del: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2009. — 19 s.
9. Morozova Yu. V. Nepravomernye deystviya pri bankrotstve, prednamerennoe i fiktivnoe bankrotstva po ugovnomu zakonodatelstvu Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2010. — 245 s.
10. Subachev A. K. Problemy ustanovleniya obstanovki soversheniya nepravomernykh deystviy pri bankrotstve // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2021. — T. 16. — № 1. — S. 120–127. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.122.1.120-127.
11. Sviridenko O. M. Aktualnye voprosy subsidiarnoy otvetstvenosti kontroliruyushchikh lits pri bankrotstve dolzhnika // Lex russica (Russkiy zakon). — 2018. — № 12 (145). — S. 18–24. — DOI: 10.17803/1729-5920.2018.145.12.018-024.
12. Timofeev D. V. Differentsiatsiya ugovnoy otvetstvenosti za nezakonnoe bankrotstvo: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2013. — 32 s.
13. Khakulov M. Kh. Nepravomerno (prednamerennoe i fiktivnoe) bankrotstvo: dis. ... kand. jurid. nauk. — Kislovodsk, 2000. — 161 s.
14. Shishko I. V. Vzaimosvyaz ugovno-pravovykh i regulativnykh norm v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. — Ekaterinburg, 2004. — 41 s.